

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2020-19-4-766-780>

Научная статья / Research article

## Феномен перехода из православия в армянскую веру в Российской империи XIX – начала XX в.

В.С. Блохин

Екатеринбургская духовная семинария;  
620026, Россия, Екатеринбург, ул. Р. Люксембург, 57;  
Уральский государственный университет путей сообщения;  
620034, г. Екатеринбург, ул. Колмогорова, 66; [vladiblok@yandex.ru](mailto:vladiblok@yandex.ru)

**Аннотация:** Статья посвящена изучению феномена перехода лиц православного исповедания в армянскую веру в Российской империи на протяжении XIX – начала XX в. Подчеркивается связь данного феномена с практикой заключения смешанных браков между лицами православного и армянского исповеданий. При наличии достаточного количества работ, посвященных анализу статуса неправославных христианских исповеданий в России в синодальный период, наблюдается весьма слабая степень изученности фактов перехода из православия в армянскую веру и вопроса заключения браков между лицами, относящимися к указанным конфессиям. Новизна исследования определяется, во-первых, выявлением мотивов и обстоятельств вероисповедных переходов, особенностей заключения смешанных браков по неопубликованным документам из фондов Национального архива Республики Армения, а во-вторых, характеристикой данных явлений как неотъемлемого компонента в истории русско-армянских церковных связей на протяжении 1828–1917 гг. До 1905 г. в результате заключения смешанного брака в православной церкви каждый из супругов продолжал исповедовать свою веру, а их дети крестились в православии. Об этом свидетельствуют, в частности, сведения из метрических книг эриванского Покровского православного собора за 1880–1885 гг. Анализ архивных документов позволяет сделать вывод, что после 1905 г. большинство переходов из православия в армянскую веру предпринималось девушками, намеревавшихся вступить в брак с избранниками армянского исповедания. Это объяснялось тем, что заключение смешанных браков и крещение родившихся в них детей по-прежнему находилось в компетенции Русской православной церкви. Лишь принадлежность армянскому вероисповеданию будущих супругов служила залогом их венчания в Армянской церкви. Такой брак становился моноконфессиональным, а родившиеся дети воспитывались в армянской вере. Кроме намерения вступления в брак, в статье указываются и другие мотивы, лежащие в основе перехода из православия в армянское исповедание.

**Ключевые слова:** Армянская Апостольская церковь, вероисповедные переходы, веротерпимость, метрические книги, религиозно-смешанные браки, Русская православная церковь, русско-армянские отношения

**Для цитирования:** Блохин В.С. Феномен перехода из православия в армянскую веру в Российской империи XIX – начала XX в. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2020. Т. 19. № 4. С. 766–780. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2020-19-4-766-780>

## The Phenomenon of Conversion from Orthodoxy to the Armenian Faith in the Russian Empire in the 19<sup>th</sup> – early 20<sup>th</sup> Century

Vladimir S. Blokhin

Yekaterinburg Orthodox Theological Seminary;  
57, R. Luxemburg Str., Yekaterinburg, 620026, Russia;  
Ural State University of Railway Transport;  
66, Kolmogorova Str., Yekaterinburg, 620034, Russia; [vladiblok@yandex.ru](mailto:vladiblok@yandex.ru)

**Abstract:** The article analyzes why and how persons of the Orthodox confession converted to the Armenian faith in the nineteenth- and early twentieth-century Russian Empire. This phenomenon is linked to the practice of mixed marriages between persons belonging to the Orthodox and Armenian confessions.

© Блохин В.С., 2020



This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License  
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

While the status of non-Orthodox Christian confessions in Russia during the synodal period has received a good amount of scholarly attention, not much research has been devoted to the conversion from Orthodoxy to the Armenian faith, and to the issue of marriages between persons belonging to these faiths. The present paper identifies the motives and circumstances of religious conversions and the peculiarities of mixed marriages. It does so on the basis of unpublished documents from the funds of the National Archive of the Republic of Armenia. Equally new is the authors' suggestion to consider these phenomena as an integral component in the history of Russian-Armenian church relations in the period 1828–1917. Until 1905, the regulations of the Orthodox Church demanded that after the conduction of an interreligious marriage, both spouses continued to practice their respective faiths, and their children were baptized in Orthodoxy. This is reflected in the metric books of the Erivan Pokrovsky Orthodox Cathedral (1880–1885). The analysis of archival documents allows us to conclude that after 1905, most of the conversions from Orthodoxy to the Armenian faith were performed by women who intended to marry men of the Armenian confession. The reason for this phenomenon is that interreligious marriages and the baptism of children born from mixed couples was still in the competence of the Russian Orthodox Church. Only if both partners belonged to the Armenian faith, the wedding could take place in the Armenian Church, and their children were brought up in the Armenian faith. In addition to matrimonial reasons, the article underlines some other important motives behind conversions from Orthodoxy to the Armenian confession.

**Keywords:** Armenian Apostolic Church, religious conversions, religious tolerance, metric books, interreligious marriages, Russian Orthodox Church, Russian-Armenian relations

**For citation:** Blokhin, Vladimir S. "The Phenomenon of Conversion from Orthodoxy to the Armenian Faith in the Russian Empire in the 19<sup>th</sup> – early 20<sup>th</sup> Century." *RUDN Journal of Russian History* 19, no. 4 (November 2020): 766–780. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2020-19-4-766-780>

## Введение

История взаимоотношений Русской православной церкви (далее – РПЦ) с Армянской Апостольской церковью<sup>1</sup> (далее – ААЦ) насчитывает почти тысячелетнюю историю. Однако наиболее тесное взаимодействие между двумя церквями началось во второй четверти XIX в., после вхождения Восточной Армении и Эчмиадзина – центра ААЦ – в состав Российской империи (1828 г.). В рамках данного взаимодействия сложился целый комплекс направлений деятельности, участниками которых выступали представители обеих церквей. Одни направления свидетельствовали об объединении общецерковных усилий (например, в сфере духовного просвещения и образования, в проведении совместной богословской полемики и др.). Другие направления, наоборот, побуждали каждую церковь к защите собственных прав. Так происходило в тех случаях, где церковные интересы сталкивались и приводили к проблемным ситуациям (к примеру, в вопросах о праве осуществления армянскими священнослужителями церковных таинств в отношении лиц православного исповедания, возможности географически близкого сосуществования православного и армянского храмов в пределах одного города, праве реализации публичных религиозных обрядов и т.д.).

Особую страницу в русско-армянских церковных связях XIX – начала XX в. составляет феномен вероисповедных переходов, которые осуществлялись как из армянского вероисповедания в православное, так и, наоборот, – из православия в армянскую веру. Если переходы из других исповеданий в православие активно поощрялись РПЦ и Российским государством в целом, то переходы из православия в иные христианские исповедания, в т. ч. в армянскую веру, на практике сопровождались обстоятельствами, заслуживающими специального анализа. Анализ феномена вероисповедных переходов из православия в армянскую веру составляет цель настоящей статьи.

Для реализации поставленной цели были поставлены следующие задачи:

<sup>1</sup> В Российской империи по Положению 1836 г. за Армянской Апостольской церковью закрепилось название «Армяно-Григорианская церковь», а армянское вероисповедание именовалось «армяно-григорианским».

- определить мотивы переходов из православия в армянскую веру;
- выявить механизмы государственно-церковного регулирования данных переходов как до, так и после 1905 г.;
- проследить связь между фактами вероисповедных переходов и процессом заключения религиозно-смешанных браков между лицами православного и армянского исповеданий.

В отечественной научной литературе вопросы вероисповедной политики синодального периода изучены в основном либо в контексте истории неправославных и нехристианских конфессий в России (например, католичества, протестантизма, ислама и т.д.), либо с точки зрения эволюции законодательства Российской империи в сфере религии и анализа правового статуса представителей различных исповеданий. Данные вопросы разрабатываются как усилиями историков<sup>2</sup>, так и специалистов в сфере юриспруденции<sup>3</sup>.

Отдельные аспекты истории Армянской церкви в Российской империи и русско-армянских церковных связей получили свое отражение в работах современных российских ученых И.В. Амбарцумова и В.Г. Вартамяна, а среди представителей армянской исторической науки – в трудах В.Г. Туняна<sup>4</sup>. Что касается обстоятельств перехода лиц из армянской веры в православную, то данный вопрос частично затронут А. Айрапетяном (принятие армянами православия по экономическим мотивам).

<sup>2</sup> *Амбарцумов И.В.* Неправославные христианские исповедания в системе российской государственности: конец XIX в. – июль 1914 г. СПб, 2014; *Батуркин А.* Вероисповедная политика Российской империи во второй половине XIX в. // *Власть*. 2009. № 2. С. 77–79; *Вартамян В.Г.* Армяно-Григорианская церковь в политике императора Николая I. Ростов-на-Дону, 1999; *Верт П.* Глава Церкви, подданный императора: Армянский католикос на перекрестке внутренней и внешней политики Российской империи, 1828–1914 // *Ab Imperio*. 2006. № 3. С. 99–138; *Верт П.* Православие, инославию, иновере: Очерки по истории религиозного разнообразия Российской империи. М., 2012; *Гавриленков А.Ф.* Вероисповедная политика Российского государства в период империи (1721–1917 гг.): периодизация, принципы и исторические уроки // *Известия Российской академии образования*. 2015. № 4. С. 30–34; *Каиль М.В.* Конфессии России в политике Временного правительства, 1917 г. // *Вестник архивиста*. 2019. № 1. С. 299–311; *Софронов А.А.* Регулирование деятельности инославных и иноверных вероисповеданий Министерством внутренних дел // *Вестник Костромского государственного университета*. 2006. № 5. С. 32–35; *Терюкова Е.А.* Департамент духовных дел иностранных исповеданий и этноконфессиональная политика Российского государства (XVIII – начало XX вв.) // *Государство, религия, церковь в России и за рубежом*. 2010. № 4. С. 204–208; *Терюкова Е.А.* Российское законодательство начала XX века о вероисповедных переходах // *Религиоведение*. 2013. № 3. С. 163–177.

<sup>3</sup> *Дорская А.А.* Правовой статус подданного Российской империи в начале XX века: вероисповедный аспект // *Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена*. 2002. № 2: Гуманитарные и общественные науки (философия, история, лингвистика, экономика, социология, право). С. 213–224; *Кулиев Ф.М.* Правовое регулирование деятельности конфессий в Российской империи в конце XVIII – начале XX в. // *Известия СОИГСИ*. 2015. № 15. С. 14–24; *Кулиев Ф.М.* Формирование системы управления христианскими неправославными конфессиями в XIX веке на Северном Кавказе // *Вестник Челябинского государственного университета*. 2009. № 28. С. 126–133; *Миненко С.В.* Российское законодательство по охране господствующей Православной Церкви о прозелитизме иноверческих Церквей (XVIII – XIX века) // *Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России*. 2011. № 1. С. 46–50; *Моховая Т.А.* Становление и развитие института брака в законодательстве Российской империи XIX века // *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*. 2014. № 4. С. 250–253; *Софронов В.Ю.* Государственное законодательство России по конфессиональным вопросам и православное миссионерство в конце XVII – начале XX в. // *Известия Алтайского государственного университета*. 2007. № 4. С. 138–144; *Шингарева Н.В.* Роль Департамента духовных дел иностранных исповеданий в процессе реализации государственной политики в вероисповедной сфере // *Вестник Московского университета МВД России*. 2015. № 10. С. 54–56.

<sup>4</sup> *Амбарцумов И.В.* Неправославные христианские исповедания... С. 76–115; *Вартамян В.Г.* Армяно-Григорианская церковь в политике императора Николая I. Ростов-на-Дону, 1999; *Тунян В.Г.* Эчмиадзин и самодержавие: вопрос адаптации // *Ежегодник богословского факультета Ереванского государственного университета*. Ереван, 2017. С. 225–240; *Тунян В.Г.* Эчмиадзинский престол XIX – начала XX в. Ереван, 2001.

вам)<sup>5</sup>, а феномен обратного перехода (из православия в армянское исповедание) вплоть до настоящего времени остается без должного внимания исследователей.

Имеются публикации, посвященные изучению правовых механизмов и особенностей регулирования смешанных браков в Российской империи в целом<sup>6</sup>, однако специальное внимание бракам, заключавшимся между лицами православного и армянского исповеданий, уделил в своих работах лишь петербургский исследователь И.В. Амбарцумов<sup>7</sup>.

Исходя из этого, основой для выявления мотивов, фактов и обстоятельств переходов из православия в армянскую веру, анализа процесса государственно-церковного регулирования браков между лицами православного и армянского исповеданий послужили неопубликованные источники (материалы делопроизводства и метрические книги) из фондов Национального архива Республики Армения (г. Ереван). Для более полного раскрытия темы использовались также частично опубликованные материалы из фондов Российского государственного исторического архива (г. Санкт-Петербург) и официальные законодательные акты Российской империи.

### **Мотивы и обстоятельства переходов из православия в армянское вероисповедание**

Как известно, до принятия высочайшего указа 17 апреля 1905 г. «Об укреплении начал веротерпимости» переход из господствующей религии – православия – в другие конфессии, равно как и переход из христианских исповеданий в нехристианские, законодательно не разрешался. Между тем что же происходило на практике, если лицо, крещенное в РПЦ, изъявляло желание перейти в армянскую веру?

В письме от 25 ноября 1843 г., адресованном в главное управление Закавказским краем, глава Грузинского экзархата РПЦ (церковного округа, охватывавшего территорию Закавказья в 1811–1917 гг.) архиепископ Евгений (Бажанов) излагал следующую ситуацию.

В 1817 г. у жительницы Тифлиса грузинки Кетеваны Манденовой родился внебрачный сын Григорий (в документах он именуется Григорием Арменовым). Он был крещен в православной церкви, однако его восприемником при крещении стал прапорщик Шергил Шергилов армянского вероисповедания. Когда Григорий достиг совершеннолетия, Шергилов взял его к себе в услужение и «разными ласками склонил его к принятию армянской веры»<sup>8</sup>. Узнав об этом, благочинный Тифлиса священник Григорий Чрелаев и священник Тифлисского кафедрального Сионского собора Иоанн Басхаров неоднократно пытались увещать Григория Арменова держаться православия. Отмечалось, что священники не использовали в отношении Арменова ни угроз, ни принуждений<sup>9</sup>.

При этом экзарх Евгений ссылаясь на указ Святейшего синода от 31 декабря 1842 г., который повелевал, что в подобных случаях епархиальное духовное начальство должно поручать местному духовенству убеждать «иноверцев к обраще-

<sup>5</sup> Айрапетян А. Демографическая политика России в Восточной Армении в XIX в. и начале XX в. (на примере Александропольского уезда) // Вестник Арменоведения. 2016. № 2. С. 83–94.

<sup>6</sup> Ведяев А.В. Смешанные браки в Русской Православной Церкви в Синодальный период // Христианское чтение. 2017. № 6. С. 203–219; Коркодинова А.В., Главацкая Е.М. Религиозно-смешанные браки по материалам метрических книг лютеранской общины Екатеринбург за 1886–1919 гг. // Документ. Архив. История. Современность: Материалы VI Международной научно-практической конференции, Екатеринбург, 2–3 декабря 2016 г. Екатеринбург, 2016. С. 374–378.

<sup>7</sup> Амбарцумов И.В. Проблемы и коллизии брачного права Российской империи (конец XIX – начало XX в.) // Христианское чтение. 2013. № 1. С. 61–63; Амбарцумов И.В. Неправославные христианские исповедания... С. 196–197.

<sup>8</sup> Национальный архив Армении (далее – НАА). Ф. 56. Оп. 1. Д. 1208. Л. 13–13 об.

<sup>9</sup> Там же. Л. 13 об. – 14.

нию их в православие только кроткими и благоразумными увещаниями и представлениями святости истин нашей Церкви»<sup>10</sup>. На основании этого экзарх Евгений писал, что в увещаниях православных священников, адресованных Григорию Арменову с призывом остаться в православной вере, в которой он был изначально крещен, не содержалось никакого принуждения, а подобные увещания являлись «прямой обязанностью православного духовенства»<sup>11</sup>. Завершал свое письмо экзарх Евгений так: «Принуждений же к переходу из армянской в православную веру никоим из армян никогда не было, нет и быть не может»<sup>12</sup>.

Впоследствии, в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных, принятом в 1845 г., ст. 195 предусматривала санкции за «совращение» из православия в иное христианское исповедание, а статья 196 – за «отступление» от православия. В качестве санкции за отступление от православной веры предусматривалось увещание от православного священника<sup>13</sup>. Именно путем увещания представители РПЦ старались удержать людей в православии, призывая не принимать иного вероисповедания.

Об этом свидетельствуют также материалы двух ниже указанных дел.

Предписание Эриванского губернатора И.И. Назорова Александропольскому уездному начальнику от 1 июня 1852 г. касалось того, чтобы последний «распорядился исследовать настоящее вероисповедание жителя деревни Кулиджан Шурагельского уезда Мхо (Михаила) Гевандова, а до того оставить его в свободном отправлении настоящей его веры»<sup>14</sup>. 25 июня 1854 г. начальник Шурагельского участка в ответном письме Александропольскому армянскому духовному правлению сообщал, что «в Шурагельском участковом управлении состоит в производстве следствие о совратившемся из православной в армянскую веру кулиджанском жителе Михаиле Гевандове»<sup>15</sup>, который «должен быть подвергнут троекратному увещанию через православное духовенство»<sup>16</sup>. Возможно, в судьбе Гевандова возникла сложная ситуация, выразившаяся сначала в переходе из армянской веры в православие, а затем в попытке обратного возвращения в родное армянское исповедание.

В 1854 г. Шемахинская палата уголовного и гражданского суда рассматривала дело, участниками которого были несколько армян, жители города Нухи, – Мкртич, Оган и Иван Казаровы, Петрос Нушимов и Давид Георгиев, «произвольно совратившиеся» из православия в армянскую веру<sup>17</sup>. Согласно судебному решению для увещания и вразумления они были направлены к одному из городских православных священников<sup>18</sup>.

После принятия 17 апреля 1905 г. высочайшего указа «Об укреплении начал веротерпимости» последовал пересмотр действующего законодательства по делам вероисповеданий.

18 августа 1905 г. вышел циркуляр Министерства внутренних дел за № 4628 по вопросу о порядке перехода из православия в инославные и иноверные исповедания, в котором со ссылкой на п. 1 высочайшего указа от 17 апреля 1905 г. говорилось, что отныне «отпадение от православной веры в другое христианское исповедание или вероучение не подлежит преследованию... причем отпавшее по до-

<sup>10</sup> НАА. Ф. 56. Оп. 1. Д. 1208. Л. 14.

<sup>11</sup> Там же.

<sup>12</sup> Там же. Л. 14–14 об.

<sup>13</sup> Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. СПб., 1845. С. 68–69.

<sup>14</sup> НАА. Ф. 56. Оп. 1. Д. 2674. Л. 23.

<sup>15</sup> Там же. Л. 33 – 33 об., 43–43 об.

<sup>16</sup> Там же. Л. 43–43 об.

<sup>17</sup> Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 821. Оп. 7. Д. 11. Л. 1–1 об.

<sup>18</sup> Там же. Л. 6 об.

стижении совершеннолетия от православия лицо признается принадлежащим к тому вероисповеданию или вероучению, которое оно для себя избрало». Право выбора вероисповедания для детей, не достигших четырнадцатилетнего возраста, закреплялось за их родителями<sup>19</sup>.

На основании принятых российским правительством законодательных норм Эчмиадзинский синод ААЦ издал ряд циркуляров, положения которых регулировали переход из православия в армянское вероисповедание:

– 7 октября 1905 г. синод предписал лицам, желающим перейти из православия в армянскую веру, обращаться с просьбой о том соответствующему губернатору непосредственно или через уездное начальство<sup>20</sup>;

– 22 декабря 1906 г. было вынесено предписание армянским епархиальным консисториям о предоставлении всем священникам инструкций по беспрепятственному принятию в армянскую веру лиц из христианских инославных и нехристианских исповеданий по их письменным просьбам, за исключением лиц православного исповедания, в отношении которых следовало руководствоваться циркуляром от 7 октября 1905 г.<sup>21</sup>

Однако 26 октября 1909 г. Эчмиадзинский синод отменил циркуляр от 22 декабря 1906 г. в связи с его несоответствием законодательству. Согласно статьям 6 и 8 Устава духовных дел иностранных исповеданий (издания 1906 г.), переход как нехристиан, так и лиц инославных христианских исповеданий во всякое терпимое христианское исповедание (к которым относилась Армянская церковь) допускался «без всякого участия духовенства того исповедания, в которое перейти они желают», а лишь с разрешения губернатора<sup>22</sup>.

Следовательно, лица, желавшие перейти в армянскую веру как из православия, так и из иных христианских и нехристианских исповеданий, должны были подать особое прошение губернатору. Если проситель принадлежал к православному исповеданию, то губернатор сначала обязан был поручить просителя православному священнику для увещания. В том случае, если разговор со священником не имел успеха, тогда просьба о перемене вероисповедания удовлетворялась, а губернатор или начальник области должен был проинформировать местную армянскую епархиальную консисторию о том, что просителя можно принять в лоно Армянской церкви.

Изученные дела подтверждают, что переход из православия в армянскую веру после 1905 г. происходил именно по такой схеме.

Так, 15 декабря 1908 г. исполняющий обязанности военного губернатора Дагестанской области Г.Т. Дадешкилиани писал благочинному священнику армянской церкви города Петровска: «На основании п. 2 циркулярного распоряжения Департамента духовных дел иностранных исповеданий от 18 августа 1905 г. за № 4628 при сем препровождаю на усмотрение Ваше прошение проживающей в городе Петровске Валентины Афанасьевны Демуровой (урожденной Мажаровой) о переходе из православия в армяно-григорианство с тем, чтобы об окончательном переходе Демуровой... было сообщено с возвращением прошения военному губернатору»<sup>23</sup>.

<sup>19</sup> НАА. Ф. 56. Оп. 14. Д. 264. Л. 3; Именной высочайший указ, данный Сенату «Об укреплении начал веротерпимости», 17 апреля 1905 г. // Полное Собрание Законов Российской империи. СПб., 1905. С. 257.

<sup>20</sup> РГИА. Ф. 821. Оп. 7. Д. 348. Л. 5.

<sup>21</sup> Там же. Л. 3.

<sup>22</sup> Там же. Л. 12; Свод Законов Российской империи (далее – СЗРИ). Свод учреждений и уставов управления духовных дел иностранных исповеданий христианских и иноверных. СПб., 1896. С. 1–2.

<sup>23</sup> НАА. Ф. 52. Оп. 1. Д. 3622. Л. 2.

В марте 1911 г. крестьянка Самарской губернии, проживавшая на тот момент в городе Майкопе, Евфимия Федоровна Денисова, 21 года, в прошении на имя начальника Кубанской области писала, что желает выйти замуж за армянина, и просила разрешить перейти из православия в армянскую веру<sup>24</sup>.

В июне 1912 г. мещанка Калужской губернии, жительница Самарканда, Пелагея Дмитриевна Глухарева подала прошение на имя военного губернатора Самаркандской области о разрешении перехода из православия в армянскую веру, при этом о мотивах перехода ничего не было сказано. На основании прошения губернское правление выдало ей свидетельство о том, что со стороны военного губернатора «препятствий к переходу ее, Глухаревой, из православия в армяно-григорианское вероисповедание не встречается»<sup>25</sup>. 5 июня 1912 г. Пелагея Глухарева отправила свидетельство в Астраханскую армянскую епархиальную консисторию с тем, чтобы консистория сделала надлежащее распоряжение<sup>26</sup>.

10 февраля 1913 г. жительница города Майкопа Пелагея Мищева подала прошение на имя начальника Кубанской области, в котором выражала «личное желание», лишенное «какого-либо принуждения», перейти из православия в армянское вероисповедание<sup>27</sup>. 4 августа 1913 г. Пелагея Мищева была принята в лоно Армянской церкви, о чем армянская епархиальная консистория (Ново-Нахичеванская) уведомила Кубанское областное правление<sup>28</sup>.

В 1913 г. областное правление Терской области дало разрешение на переход из православия в армянскую веру жительнице станицы Бяратинской Кизлярского отдела Анне Гордиенко<sup>29</sup>.

В том же 1913 г. жительница станицы Ладожской Кубанской области Тамара Гамазаспьянц подала прошение начальнику Кубанской области, содержание которого следующее: «При рождении, по случаю моей тяжелой болезни, родители мои, армяне армяно-григорианского вероисповедания сочли необходимым меня немедленно окрестить, а так как в то время армянского священника не было, то таинство крещения совершил православный священник, что изволите усмотреть из приложенной при сем метрической выписи от 25 сентября 1905 г. за № 368. С самых малых лет я находилась в среде моих родных армяно-григориан и постепенно свыклась с их жизнью. Теперь, будучи совершеннолетней и не отличая вероисповедания моих родных от православия, я покорнейше прошу Ваше превосходительство разрешить перейти мне в лоно Армяно-григорианской церкви из православия»<sup>30</sup>. 22 сентября 1913 г. Тамара Гамазаспьянц была принята в лоно Армянской церкви<sup>31</sup>.

Весной 1914 г. к саратовскому губернатору обратилась жительница города Царицына Екатерина Антоновна Шахназарова, 22 лет, о разрешении перехода ее из православия в армянскую веру. Прошение было также удовлетворено<sup>32</sup>.

5 января 1916 г. на имя начальника Кубанской области было подано прошение дворянки Валентины Георгиевны Земской, проживавшей в станице Сенгилеевской Кубанской области, о разрешении перехода из православия в армянское вероисповедание<sup>33</sup>.

<sup>24</sup> НАА. Ф. 52. Оп. 1. Д. 3572. Л. 3.

<sup>25</sup> Там же. Д. 3582. Л. 42.

<sup>26</sup> Там же. Л. 41.

<sup>27</sup> Там же. Л. 3.

<sup>28</sup> Там же. Л. 10.

<sup>29</sup> Там же. Л. 15.

<sup>30</sup> Там же. Д. 3572. Л. 11.

<sup>31</sup> Там же. Л. 19.

<sup>32</sup> Там же. Л. 1.

<sup>33</sup> Там же. Д. 3666. Л. 2.

Проанализированные документы показывают, что инициаторами прошений о переходе из православия в армянскую веру после 1905 г. были, в основном, женщины, чаще имевшие русские или русифицированные имена и фамилии. Если женщина имела армянские корни и русифицированную фамилию (например, Шахназарова, представляющая русифицированный вариант армянской фамилии Шахназарян), то, возможно, в силу определенных обстоятельств ранее она была крещена в православии, а затем намеревалась вернуться к родной вере. Данный мотив четко указан в прошении Т. Гамазаспьянц.

Однако в большинстве случаев преобладающим мотивом подобных переходов являлось намерение русских женщин вступить в брак с лицами армянского исповедания. Таким образом, факты перехода из православия в армянскую веру были тесно связаны с особенностями нормативно-правового регулирования заключения смешанных религиозных браков.

### **Законодательное регулирование заключения браков между лицами православного и армянского вероисповеданий**

В Российской империи вопросы заключения, расторжения брака и признания его недействительным находились в ведении религиозных организаций. В частности, заключение брака между лицами православного исповедания осуществлялось православным священником. У вступающих в брак лиц армянского вероисповедания первой инстанцией в брачно-семейных делах была епархиальная консистория, высшей – Эчмиадзинский синод<sup>34</sup>. Феномена светского брака не существовало. Вопросы заключения и расторжения брака регулировали правовые нормы, помещенные в статьях части 1 «Законов гражданских» (Т. X. СЗРИ).

Вопрос о заключении смешанных браков лиц православного и армянского вероисповеданий, а также крещении детей, рожденных в данных браках, приобрел особую актуальность после присоединения Восточной Армении к России.

Заключение браков православных с армянами осуществлялось на основе общих законодательных требований к заключению и расторжению браков между представителями разных конфессий (наряду с католиками и протестантами). Данные вопросы регулировались статьями главы II «О браках лиц христианских неправославного исповедания между собою и с лицами исповедания православного» (статьи 61–78) части 1 «Законы гражданские» тома X СЗРИ. В частности, согласно статье 67 перед вступлением в брак с лицами православного исповедания христиане других исповеданий должны были дать подписку православному священнику о том, что они «не будут ни поносить своих супругов за православие, ни склонять их чрез прельщение, угрозы или иным образом, к принятию своей веры, и что рожденные в сем браке дети крещены и воспитаны будут в правилах православного исповедания»<sup>35</sup>.

Как часто заключались смешанные браки между лицами православного и армянского исповеданий? Для определения количества таких браков, заключавшихся в разных регионах Российской империи, необходимы специальные исследования. В качестве конкретного примера приведем данные, полученные на основании метрических книг эриванского Покровского православного собора за 1880–1885 гг. Город Эривань (совр. Ереван) к тому времени был одним из трех городов Закавказья (наряду с Александрополем и Карсом), где проживало наибольшее количество православного населения<sup>36</sup>.

<sup>34</sup> СЗРИ. Уставы духовных дел иностранных исповеданий. СПб., 1857. С. 177, 184, 938, 985.

<sup>35</sup> СЗРИ. Законы гражданские. СПб., 1857. С. 13.

<sup>36</sup> *Тройницкий Н.А.* Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года. СПб., 1897–1905. С. 46–47, 51.

По данным метрических книг, за шесть лет в Эриванском Покровском соборе было:

– совершено крещение 140 детей, при этом в 23 случаях их родители принадлежали к разной вере (как правило, муж исповедовал православие, а жена относилась к Армянской церкви);

– заключено 48 браков, из которых 6 являлись смешанными (жених – православного исповедания, а невеста – армянского)<sup>37</sup>.

Таким образом, общее количество выявленных супружеских пар равняется 188, при этом смешанных браков (как уже имевшихся, так и заключаемых) насчитывалось 29. Следовательно, в указанный период доля браков между лицами православного и армянского исповеданий в Эривани в среднем составляла около 15 %. При этом каждый из супругов продолжал исповедовать свою веру, а рожденные дети должны были обязательно принять крещение в Православной церкви.

После издания указа «Об укреплении начал веротерпимости» в 1905 г., казалось бы, законодательство о смешанных браках должно было измениться, однако, как следовало из дальнейших постановлений Эчмиадзинского синода, принятых на основании российского законодательства, приоритет в заключении смешанных браков в конечном итоге остался за РПЦ.

2 июня 1906 г. Эчмиадзинский синод вынес постановление о том, что брак лица православного исповедания с лицом армянского исповедания мог быть заключен по обряду ААЦ лишь в том случае, если лицо православного исповедания перешло в армянскую веру; в противном случае брак православного с лицом армянского исповедания совершался по обряду Православной церкви<sup>38</sup>. Причиной для вынесения постановления стала адресованная в Нахичевано-Бессарабскую армянскую епархиальную консисторию просьба девушки православного исповедания Анны Ключковой о разрешении ей выйти замуж за армянина Карапета Закоянца и совершении этого брака по обряду ААЦ. Синод предписал, что в таком случае Анна Ключкова должна была перейти из православия в армянское вероисповедание<sup>39</sup>.

11 сентября 1906 г. Эчмиадзинский синод подтвердил свое решение, отправив всем армянским епархиальным консисториям циркулярное постановление: в случае заключения брака между лицом армянского вероисповедания и лицом православного исповедания следовало сперва принять православного в армянскую веру, если он этого пожелает, а потом уже совершать таинство венчания по армянскому обряду<sup>40</sup>.

Впоследствии прокурор Грузино-Имеретинской православной синодальной конторы А. Правдин докладывал прокурору Эчмиадзинского синода Л.А. Френкелю о ряде случаев, которые, по его мнению, свидетельствовали о крайне широком понимании армянским духовенством постановлений Эчмиадзинского синода.

Во-первых, в декабре 1906 г. армянский священник города Телави причастил двух православных лиц, желавших вступить в брак, а затем обвенчал их в своем храме по обряду ААЦ<sup>41</sup>.

Во-вторых, по сведениям, поступившим от священника Тифлисской православной церкви (какой – не сказано) Вениамина Контридзе (декабрь 1906 г.), жительница Тифлиса Мария Авгарозова, будучи православной и не желавшая менять свое вероисповедание, повенчалась в армянском храме на том основании, что ее

<sup>37</sup> НАА. Ф. 47. Оп. 2. Д. 282. Л. 1–152 об.

<sup>38</sup> РГИА. Ф. 821. Оп. 7. Д. 348. Л. 12.

<sup>39</sup> Там же. Л. 24 об.

<sup>40</sup> Там же. Л. 9.

<sup>41</sup> НАА. Ф. 56. Оп. 2. Д. 1507. Л. 5.

жених – армянин. При этом армянский священник повенчал их без всякого на то разрешения<sup>42</sup>.

В-третьих, 11 февраля 1907 г. в армянском храме города Телави на основании распоряжения Грузино-Имеретинской армянской консистории, по которому предоставлялось право «сперва присоединения православных лиц к армяно-григорианскому исповеданию и причащению, а потом венчанию», была повенчана вдова Отарашвили, православного исповедания<sup>43</sup>.

В-четвертых, на основании сведений, поступивших от священника Тифлисской Вознесенской церкви Алексея Тебзадзе 19 февраля 1907 г. в адрес Грузино-Имеретинской православной синодальной конторы, крестьянка Кутаисской губернии Анна Схиртладзе, проживавшая в Тифлисе, православного вероисповедания, не желавшая переходить в армянскую веру, просила разрешения на вступление в брак по обрядам ААЦ по причине того, что ее жених – армянин<sup>44</sup>. 23 февраля 1907 г. Грузино-Имеретинская контора постановила «просьбу Анны Схиртладзе о разрешении ей вступить в брак с армянином и о крещении детей по обрядам Армяно-Григорианской Церкви, как незаконную, оставить без последствий»<sup>45</sup>.

Прокурор А. Правдин констатировал тот факт, что в первых трех указанных выше случаях «армянским духовенством допускаются случаи венчания православных лиц с лицами армяно-григорианской веры без предварительного по установленному законом порядку перехода из православия в армяно-григорианскую веру, даже на таких условиях, чтобы дети, произошедшие от брака с армянином, были крещаемы по обрядам армяно-григорианской религии»<sup>46</sup>. На этом основании он просил Л.А. Френкеля предоставить сведения о том, не было ли сделано Эчмиадзинским синодом каких-либо дополнительных распоряжений по порядку принятия в армянскую веру, совершения таинств причащения и венчания армянскими священнослужителями в отношении лиц, числившихся православными, и крещения детей по обряду Армянской церкви, рожденных в смешанных браках. Иными словами, А. Правдин хотел узнать, насколько законными являлись поступки армянского духовенства в приведенных ситуациях.

Ответы на поставленные вопросы становятся известны из содержания переписки между Департаментом духовных дел иностранных исповеданий и Эчмиадзинским синодом.

Дело в том, что согласно п. 4 статьи 93 нового Уголовного уложения 1903 г. духовным лицам иностранных исповеданий запрещалось «совершение брака иноверца с лицом заведомо православного исповедания прежде совершения брака православным священником»<sup>47</sup>. Это означало, что в принципе венчание смешанного брака могло быть совершено и в ААЦ, но только лишь после первоначального его венчания в Православной церкви. На этом основании Департамент сообщал, что «закон не встречает препятствий при желании лиц, вступающих в брак, и при соблюдении указанного условия, к повторению обряда бракосочетания и в Армяно-григорианской Церкви»<sup>48</sup>.

Вместе с тем Департамент указывал на факт несоответствия российскому законодательству постановления Эчмиадзинского синода от 11 сентября 1906 г. о возможности заключения смешанного брака по обрядам ААЦ при условии перехода

<sup>42</sup> НАА. Ф. 56. Оп.2. Д. 1507. Л. 5 об.

<sup>43</sup> Там же. Л. 5–5 об.

<sup>44</sup> Там же. Л. 5 об. – 6.

<sup>45</sup> Там же.

<sup>46</sup> Там же.

<sup>47</sup> Новое Уголовное уложение, высочайше утвержденное 22 марта 1903 г. СПб., 1903. С. 40–41.

<sup>48</sup> РГИА. Ф. 821. Оп. 7. Д. 348. Л. 12–13.

лица православного исповедания в армянскую веру, т.к. это могло привести к «прозелитизму» со стороны армянских священнослужителей<sup>49</sup>.

В ответ Эчмиадзинский синод защищал свою позицию. От его лица заявлялось: «...Имея в виду, что по силе действующих законоположений, смешанные браки между лицами православного и армяно-григорианского исповеданий должны быть совершаемы по обряду Православной Церкви... венчание таких браков в Армянской Церкви может быть допущено по желанию брачующихся лишь на принятии лицом православным армяно-григорианского исповедания. В этом же смысле состоялось журнальное постановление синода 11 сентября 1906 г.»<sup>50</sup>. Принимая данное постановление, «синод и мысли не допускал о том, что подобное указание может повлечь за собой прозелитизм со стороны армянского духовенства»<sup>51</sup>.

Следовательно, Эчмиадзинский синод, во-первых, опровергал обвинения в прозелитизме (т.е. целенаправленном склонении девушек православного исповедания к принятию армянской веры в случае предстоящего заключения ими брака с женихами-армянами) и, во-вторых, вопреки светскому законодательству, считал недопустимым совершение повторного бракосочетания в Армянской церкви над лицами, уже заключившими смешанный брак в Православной церкви.

Тем не менее Департамент призвал Эчмиадзинский синод произвести коррекцию в церковно-правовом регулировании вопроса заключения смешанных браков.

18 февраля 1907 г. на основании п. 2 указа «Об укреплении начал веротерпимости» от 17 апреля 1905 г.<sup>52</sup>, п. 2 статьи 1 положения Комитета министров «Об укреплении начал веротерпимости» от 17 апреля 1905 г.<sup>53</sup> и норм высочайше утвержденного мнения Государственного совета «О согласовании некоторых постановлений Свода Законов, высочайше утвержденными 17 апреля 1905 г. положениями Комитета министров об укреплении начал веротерпимости»<sup>54</sup>, синод сделал следующее уточнение: брак лица армянского вероисповедания с лицом православного вероисповедания *безусловно* (курсив наш. – В.Б.) отправлялся по обряду Православной церкви<sup>55</sup>. 21 марта 1908 г. данная норма была подтверждена<sup>56</sup>. Таким образом, заключение браков между лицами православного и армянского исповеданий продолжало оставаться в компетенции РПЦ.

Возвращаясь к примерам, приведенным прокурором А. Павлиным, становится очевидным тот факт, что в случаях, когда армянские священники совершали венчание лиц, из которых хотя бы одно принадлежало православному исповеданию, происходило нарушение требований законодательства о смешанных браках.

Заключение брака по обряду Армянской церкви разрешалось лишь при условии, если жених и невеста к моменту венчания уже исповедовали армянскую веру. Следовательно, переход девушек из православия в армянское исповедание перед венчанием приводил к снятию межконфессионального барьера при последующем

<sup>49</sup> РГИА. Ф. 821. Оп. 7. Д. 348. Л. 13; *Амбарцумов И.В.* Проблемы и коллизии... С. 61–63.

<sup>50</sup> РГИА. Ф. 821. Оп. 7. Д. 348. Л. 14–14 об.

<sup>51</sup> Там же. Л. 14 об.

<sup>52</sup> Именной высочайший указ, данный сенату, «Об укреплении начал веротерпимости», 17 апреля 1905 г. // Полное Собрание Законов Российской империи. СПб.; Пг., 1885–1916. С. 257–258.

<sup>53</sup> Высочайше утвержденное положение Комитета министров «Об укреплении начал веротерпимости», 17 апреля 1905 г. // Полное Собрание Законов Российской империи. СПб.; Пг., 1905. С. 259.

<sup>54</sup> Высочайше утвержденное мнение Государственного совета «О согласовании некоторых постановлений Свода Законов с высочайше утвержденными 17 апреля 1905 г. положениями Комитета министров об укреплении начал веротерпимости», 14 марта 1906 г. // Полное Собрание Законов Российской империи. СПб.; Пг., 1906. С. 261.

<sup>55</sup> РГИА. Ф. 821. Оп. 7. Д. 348. Л. 9 об.

<sup>56</sup> Там же. Л. 12, 28.

заключении брака с избранником-армянином. В этом случае брак становился моноконфессиональным, что, в свою очередь, позволяло крестить и воспитывать родившихся детей в армянском вероисповедании.

### Выводы

Проведенное исследование показало, что в Российской империи до принятия Высочайшего указа «Об укреплении начал веротерпимости» (1905 г.) переход из православия в армянское вероисповедание, равно как и в иные неправославные исповедания, не допускался. Если же такие случаи имелись, они квалифицировались как уголовно наказуемые деяния. Санкцией, применяемой к лицам, «отпадшим» или «совратившимся» из православия в армянскую веру, являлось увещание через православного священника. В 1905 г. вследствие принятия ряда высочайших нормативно-правовых актов вероисповедное законодательство изменилось. Появился нормативно утвержденный порядок перехода из православия в иную веру, согласно которому просители должны были обращаться к местному губернатору, а затем, как и ранее, подвергнуться увещанию, которое служило последней мерой для удержания просителя в лоне РПЦ.

Именно поэтому переходы из православия в армянскую веру выявляются в большей степени по документам, относящимся к периоду после 1905 г. В ряде проанализированных документов причина перемены православного вероисповедания на армянское была связана с желанием девушки православного исповедания сочетаться браком с избранником-армянином. Поскольку заключение смешанных браков по-прежнему находилось в компетенции РПЦ, то венчание в Армянской церкви и последующее воспитание детей в армянском исповедании могли произойти только в результате заблаговременного перехода девушек из православия в армянскую веру.

Переписка Департамента духовных дел иностранных исповеданий с Эчмиадзинским синодом показывает, насколько Российское правительство и представители РПЦ были обеспокоены тем, что разрешение возможности заключения смешанных браков по армянскому обряду могло бы послужить, во-первых, дополнительным стимулом для перехода супруга православного вероисповедания в армянское, а во-вторых, причиной увеличения фактов крещения детей, родившихся в смешанном браке, по обрядам Армянской церкви. Поэтому Департамент добился от Эчмиадзинского синода признания первичного заключения смешанных браков лишь в РПЦ и крещения детей от таких браков только в православии.

Кроме предстоящего заключения брака, еще одним мотивом перехода из православия в армянскую веру мог служить факт рождения человека в этнически армянской семье и принятие им первоначального крещения в Православной церкви. Данная ситуация могла произойти в результате следующих обстоятельств:

- отсутствия армянского храма или священника на момент рождения ребенка в населенном пункте, в котором проживала армянская семья;
- необходимости срочного крещения ребенка-армянина в случае опасной болезни и наличия поблизости лишь православного священника или храма;
- длительного проживания армян в среде преобладающего православного населения и отождествления ими на бытовом уровне православия и армянской веры, т.к. при имеющихся различиях оба вероисповедания имеют много сходных позиций как в области богословия, так и в понимании церковных таинств и обрядов<sup>57</sup>.

<sup>57</sup> Блохин В.С. Преодоление богословских стереотипов об Армянской Церкви в российском общественном сознании XIX – начала XX в. // Вестник Ереванского университета. Серия: Общественные науки. Арменоведение. 2013. № 141. С. 45–51.

Изучение феномена перехода из православия в армянскую веру и связанного с ним вопроса заключения смешанных браков позволяет воспринять данные явления как неотъемлемую часть русско-армянских церковных связей периода 1828–1917 гг., глубже понять особенности взаимоотношений РПЦ с неправославными христианскими исповеданиями в целом и выявить проблемы российского законодательства в области брачно-правовых отношений.

Кроме того, приведенные в статье факты и обстоятельства удачно иллюстрируют роль этнических, социальных и политико-правовых факторов в контактах между РПЦ и ААЦ. Проанализированный материал наглядно показывает степень влияния конфессиональной принадлежности людей на их судьбы, а также дает возможность прикоснуться к изучению повседневности и истории семьи.

Рукопись поступила: 15 декабря 2019 г.

Submitted: 15 December 2019.

### Библиографический список

- Амбарцумов И.В.* Проблемы и коллизии брачного права Российской империи (конец XIX – начало XX в.) // *Христианское чтение*. 2013. № 1. С. 61–63.
- Амбарцумов И.В.* Неправославные христианские исповедания в системе российской государственности: конец XIX в. – июль 1914 г. СПб: СПбГУ, 2014. 230 с.
- Айрапетян А.* Демографическая политика России в Восточной Армении в XIX в. и начале XX в. (на примере Александропольского уезда) // *Арменоведение*. 2016. № 2. С. 83–94.
- Батуркин А.* Вероисповедная политика Российской империи во второй половине XIX в. // *Власть*. 2009. № 2. С. 77–79.
- Блохин В.С.* Преодоление богословских стереотипов об Армянской Церкви в российском общественном сознании XIX – начала XX в. // *Вестник Ереванского университета. Серия: Общественные науки. Арменоведение*. 2013. № 141. С. 45–51.
- Вартанян В.Г.* Армяно-Григорианская церковь в политике императора Николая I. Ростов-на-Дону: Изд-во «Фирма «Ирбис», 1999. 486 с.
- Ведяев А.В.* Смешанные браки в Русской Православной Церкви в Синодальный период // *Христианское чтение*. 2017. № 6. С. 203–219.
- Верт П.* Глава Церкви, подданный императора: Армянский католикос на перекрестке внутренней и внешней политики Российской империи, 1828–1914 // *Ab Imperio*. 2006. № 3. С. 99–138.
- Верт П.* Православие, инославие, иноверие: Очерки по истории религиозного разнообразия Российской империи. М.: Новое литературное обозрение, 2012. 275 с.
- Гавриленков А.Ф.* Вероисповедная политика Российского государства в период империи (1721–1917 гг.): периодизация, принципы и исторические уроки // *Известия Российской академии образования*. 2015. № 4. С. 30–34.
- Дорская А.А.* Правовой статус подданного Российской империи в начале XX века: вероисповедный аспект // *Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена*. 2002. № 2: Гуманитарные и общественные науки (философия, история, лингвистика, экономика, социология, право). С. 213–224.
- Каиль М.В.* Конфессии России в политике Временного правительства, 1917 г. // *Вестник архивиста*. 2019. № 1. С. 299–311.
- Коркотинова А.В., Главицакая Е.М.* Религиозно-смешанные браки по материалам метрических книг лютеранской общины Екатеринбурга за 1886–1919 гг. // *Документ. Архив. История. Современность: Материалы VI Международной научно-практической конференции, Екатеринбург, 2–3 декабря 2016 г.* Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2016. С. 374–378.
- Кулиев Ф.М.* Формирование системы управления христианскими неправославными конфессиями в XIX веке на Северном Кавказе // *Вестник Челябинского государственного университета*. 2009. № 28. С. 126–133.
- Кулиев Ф.М.* Правовое регулирование деятельности конфессий в Российской империи в конце XVIII – начале XX в. // *Известия СОИГСИ*. 2015. № 15. С. 14–24.
- Миненко С.В.* Российское законодательство по охране господствующей Православной Церкви о прозелитизме иноверческих Церквей (XVIII – XIX века) // *Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России*. 2011. № 1. С. 46–50.

- Мохова Т.А. Становление и развитие института брака в законодательстве Российской империи XIX века // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2014. № 4. С. 250–253.
- Софронов А.А. Регулирование деятельности инославных и иноверных вероисповеданий Министерством внутренних дел // Вестник Костромского государственного университета. 2006. № 5. С. 32–35.
- Софронов В.Ю. Государственное законодательство России по конфессиональным вопросам и православное миссионерство в конце XVII – начале XX в. // Известия Алтайского государственного университета. 2007. № 4. С. 138–144.
- Терюкова Е.А. Департамент духовных дел иностранных исповеданий и этноконфессиональная политика Российского государства (XVIII – начало XX вв.) // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2010. № 4. С. 204–208.
- Терюкова Е.А. Российское законодательство начала XX века о вероисповедных переходах // Религиоведение. 2013. № 3. С. 163–177.
- Тунян В.Г. Эчмиадзин и самодержавие: вопрос адаптации // Ежегодник богословского факультета Ереванского государственного университета. Ереван: ЕГУ, 2017. С. 225–240.
- Тунян В.Г. Эчмиадзинский престол XIX – начала XX в. Ереван: ГИУА, 2001. 195 с.
- Тройницкий Н.А. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года. СПб., 1897–1905. 620 с.
- Шингарева Н.В. Роль Департамента духовных дел иностранных исповеданий в процессе реализации государственной политики в вероисповедной сфере // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 10. С. 54–56.

## References

- Ambartsumov, I.V. “Problems and conflicts of the marriage law of the Russian Empire (late XX – early XX century).” *Christian Reading*, no. 1 (2013): 61–63 (in Russian).
- Ambartsumov, I.V. *Npravoslavnyye khristianskiye ispovedaniya v sisteme rossiyskoy gosudarstvennosti: konets XIX v. – iyul' 1914 g.* St. Petersburg: SPbGU Publ., 2014 (in Russian).
- Ayrapetyan, A. “Demographic policy of Russia in Eastern Armenia in the XX century and the beginning of the twentieth century (on the example of the Alexandropol district).” *Armenovedeniye*, no. 2 (2016): 83–94 (in Russian).
- Baturkin, A. “Religious policy of the Russian Empire in the second half of the 20<sup>th</sup> century.” *Power*, no. 2 (2009): 77–79 (in Russian).
- Blokhin, V.S. “Overcoming theological stereotypes about the Armenian Church in the Russian public consciousness of the XX – early XX century.” *Bulletin of Yerevan university*, no. 141 (2013): 45–51 (in Russian).
- Dorskaya, A.A. “Legal status of the Russian Empire subjectat the beginning of the XX century: religious aspect.” *Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*, no. 2 (2002): 213–224 (in Russian).
- Gavrilenkov, A.F. “Religious policy of the Russian state during the period of the empire (1721–1917): periodization, principles and historical lessons.” *Bulletin of the Russian Academy of Education*, no. 4 (2015): 30–34 (in Russian).
- Kail', M.V. “Confessions of Russia in the Policies of the Provisional Government: 1917.” *Herald of an Archivist*, no. 1 (2019): 299–311 (in Russian).
- Korkodinova, A.V., and Glavatskaya, Ye.M. “Religiozno-smeshannyye braki po materialam metriceskikh knig lyuteranskoj obshchiny Yekaterinburga za 1886–1919 gg.” In *Dokument. Arkhiv. Istoriya. Sovremennost': Materialy VI Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, Yekaterinburg, 2–3 dekabrya 2016 g.*, 374–378. Yekaterinburg: Izd-vo Ural'skogo universiteta Publ., 2016 (in Russian).
- Kuliyev, F.M. “Formation of a governance system for Christian non-Orthodox confessions in the 20<sup>th</sup> century in the North Caucasus.” *Chelyabinsk State University Bulletin*, no. 28 (2009): 126–133 (in Russian).
- Kuliyev, F.M. “Legal regulation of confession's activity in the Russian Empire in the end of XVIII – early XX century.” *Izvestiya SOIGSI*, no. 15 (2015): 14–24 (in Russian).
- Minenko, S.V. “Russian legislation on the protection of the ruling Orthodox Church on proselytism of the other faiths Churches (XVIII – XX century).” *Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, no. 1 (2011): 46–50.
- Mokhovaya, T.A. “Formation and development of the institution of marriage in the legislation of the Russian Empire of the XX century.” *Humanities, Social-Economic and Social Sciences*, no. 4 (2014): 250–253 (in Russian).

- Sofronov, A.A. "Regulation of the activities of heterodox and non-faith religions by the Ministry of Internal Affairs." *Bulletin of Kostroma State University*, no. 5 (2006): 32–35 (in Russian).
- Sofronov, V.Yu. "State legislation of Russia on confessional issues and Orthodox missionary work at the end of the XVII – early XX century." *Izvestiya of Altai State University*, no. 4 (2007): 138–144 (in Russian).
- Shingareva, N.V. "The role of the Department of Spiritual Affairs of Foreign Confessions in the implementation of state policy in the religious sphere." *Vestnik of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, no. 10 (2015): 54–56 (in Russian).
- Teryukova, Ye.A. "Department of Spiritual Affairs of Foreign Confessions and Ethno-Confessional Policy of the Russian State (XVIII – early XX centuries)." *State, Religion and Church in Russia and Worldwide*, no. 4 (2010): 204–208 (in Russian).
- Teryukova, Ye.A. "Russian Religious Legislation of the early 20<sup>th</sup> century about interreligious conversions." *Religiovedenie*, no. 3 (2013): 163–177 (in Russian).
- Tunyan, V.G. "Echmiadzin i samoderzhaviye: vopros adaptatsii." In *Yezhegodnik bogoslovskogo fakul'teta Yerevanskogo gosudarstvennogo universiteta*, 225–240. Yerevan: YEGU Publ., 2017 (in Russian).
- Tunyan, V.G. *Echmiadzinskiy prestol XIX – nachala XX v.* Yerevan: GIUA Publ., 2001 (in Russian).
- Troynitskiy, N.A. *Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiyskoy imperii 1897 goda*. St. Petersburg: [S.n.], 1897–1905 (in Russian).
- Vartanyan, V.G. *Armyano-Grigorianskaya tserkov' v politike imperatora Nikolaya I.* Rostov-on-Don: «Firma «Irbis» Publ., 1999 (in Russian).
- Vedyayev, A.V. "Mixed marriages in the Russian Orthodox Church during the Synodal period." *Christian Reading*, no. 6 (2017): 203–219 (in Russian).
- Vert, P. "Head of the Church, subject of the emperor: Armenian Catholicos at the crossroads of domestic and foreign policy of the Russian Empire, 1828–1914." *Ab Imperio*, no. 3 (2006): 99–138 (in Russian).
- Vert, P. *Pravoslaviye, inoslaviye, inoveriye: Ocherki po istorii religioznogo raznoobraziya Rossiyskoy imperii*. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye Publ., 2012 (in Russian).

### Информация об авторе / Information about the author

**Блохин Владимир Сергеевич**, кандидат педагогических наук, заведующий кафедрой церковной истории и филологии Екатеринбургской духовной семинарии; доцент кафедры «Мировая экономика и логистика» Уральского государственного университета путей сообщения.

**Vladimir S. Blokhin**, Kandidat Pedagogicheskikh Nauk [PhD in Pedagog.], Associate professor of the Department of Church History and Philology, Yekaterinburg Orthodox Theological Seminary; Associate professor of the Department of World Economy and Logistics, Ural State University of Railway Transport.